

# Исвегел. — 2002. — 21 окт. — с. 9

## Не все гениальное — просто

В Рахманиновском зале два дня играли музыку Стефана Вольпе

*Еще несколько дней назад никто в России не знал, что это за композитор такой — Стефан Вольпе, хорош ли он, плох ли, что написал. По прошествии двухдневного мини-фестиваля в Рахманиновском зале консерватории по-прежнему не очень ясен уровень композиторского дарования Вольпе. Зато теперь навеки запомнится хотя бы одно его сочинение — песня на стихи Ленина.*

Екатерина БИРЮКОВА

В отличие от обычных гениев, которые сами двигают время вперед, Стефан Вольпе, окрещенный устройствами фестиваля «неизвестным гением XX века», ничего вперед не двигал. Про таких обычно говорят: «дитя своего времени».

Вольпе, столетний юбилей которого отмечается в этом году, родился в Германии в семье бывшего москвича, с приходом фашистов уехал в Вену, потом в Палестину, жизнь закончил в США в 1972 году. Испытал на себе много разных, порой взаимоисключающих влияний, увлекался одновременно джазом, неоклассицизмом в версии своего наставника Феруччо Бузони, эстетикой дада и Баухауза, а также крайне левым соцартом. Отсюда его музыка для агитбригад и профсоюзов, рабочие песни, марши и переведенная на немецкий язык ленинская проза.

При всем том Вольпе был примерным атоналистом и пролетарские тексты озвучивал в стиле зрелого Шенберга.

«Четыре песни на тексты Ленина, Маяковского и других авторов» (1929), гвоздь фестиваля, — это очень сложная музыка, для исполнения которой требуются абсолютный слух (хотя бы для того, чтобы с ходу попасть на первую ноту — ни в одной из песен нет фортепианного вступления), стилистическое чутье (Вольпе пользуется модной в предвоенные годы мелодекламацией) и полная серьезность.

Первое, с чем возникают проблемы, — это с серьезностью. В истории музыки XX века есть как минимум два сочинения, которые страдают из-за положенных в их основу малопозитивных текстов. Это кантата Прокофьева «К 20-летию Октября» и «Антиформалистический раек» Шостаковича. И то, и другое у современных исполнителей принято превращать в капустник, в жанр «музыканты шутят», от некомфортных текстов стыдливо закрываться ленинскими кепками и пионерскими галстуками, лишая эту вполне профессиональную и выстраданную музыку какого бы то ни было смысла. Теперь к

этим двум несчастливцам добавились еще и означенные песни Вольпе. Когда на сцену Рахманиновского зала вышел баритон Михаил Стародубцев, ленинской кепки на нем, слава богу, не было, но кричаще алая рубашка с оттеняющим ее нотномызыкальным галстуком тоже ничего хорошего не предвещала. Дальше все было как положено — карикатурные жесты, гнусавое «оппортунистен-пацифистен», радостное оживление в зале.

Вся остальная музыка Вольпе, исполненная силами консерваторского ансамбля «Студия новой музыки» под управлением Игоря Дронова, уже не оставляла сомнений в серьезных намерениях автора. Но у нее была другая беда — чрезвычайная техническая сложность. Безусловным героем фестиваля стал пианист Михаил Дубов, сумевший вложить в длиннющую фортепианную «Battle Piece» некоторое количество артистического задора. По его признанию, труднее этой музыки только несколько вещей Ксенакиса и апофеоз пианистической казуистики — Третья соната Булеза. Но Ксенакис и Булез уже признаны гениями, с ними стоит повозиться. А вот нужно ли тратить время на «неизвестного гения» — большой вопрос. Впрочем, без хорошего исполнения и не разберешься — настоящий он гений или нет.